

МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

**В серии
«Мастера магического реализма»
вышли:**

Нил Гейман. **АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ;
КОРОЛЬ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ; СЫНОВЬЯ АНАНСИ**

Нил Гейман, Чак Паланик, Майкл Муркок и др.
ВСЕ НОВЫЕ СКАЗКИ

Нил Гейман. **ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ**

Нил Гейман. **ДЫМ И ЗЕРКАЛА**

Нил Гейман, Лари Нивен, Сэмуэл Дилэни и др.
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СОЗДАНИЯ

Нил Гейман. **ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ**

Нил Гейман, Рик Янси, Холли Блэк и др. **СБОРЩИК ДУШ**

Чарльз де Линт. **ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ**

Нил Гейман. **НИКОГДЕ**

Холли Блэк. **ХОЛОДНЫЙ ГОРОД**

Эллис Нир. **СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК УАЙЛЬД**

Чарльз де Линт. **ЗВЕРЛИНГИ. В ТЕНИ ДРУГОГО МИРА**

Нил Гейман, Танит Ли, Брайан Ламли и др. **СТРАШНЫЕ СКАЗКИ**

Нил Гейман. **ОСТОРОЖНО, ТРИГГЕРЫ**

Холли Блэк. **САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАЩА**

Говард Ф. Лавкрафт. **ЗОВ КТУЛХУ**

К.-Э. Джонстон. **СКАЗКИ ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ**

Том Поллок. **СЫН ГОРОДА**

Нил Гейман, Хорхе Луис Борхес, Мэнли Уэйд Уилман и др.
КУЛЬТ КТУЛХУ

Говард Ф. Лавкрафт. **ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ**

Кэтрин М. Валенте. **СКАЗКИ СИРОТЫ. В НОЧНОМ САДУ**

Брэм Стокер. **ДРАКУЛА**

Нил Гейман, Танит Ли, Чарльз де Линт и др. **ЗЕЛЕНый РЫЦАРЬ**
Роберт И. Говард. **БЕЗЫМЯННЫЕ КУЛЬТЫ**

Кэтрин М.
Валенте

СКАЗКИ СИРОТЫ
ГОРОДА МОНЕТ И ПРЯНОСТЕЙ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
В15

Серия «Мастера магического реализма»

Catherynne M. Valente
THE ORPHAN'S TALES:
IN THE CITIES OF COIN AND SPICE

Печатается с разрешения издательства
Spectra, an imprint of Random House,
a division of Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Перевод с английского *Наталии Осояну*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Автор внутренних иллюстраций: *Майкл Уильям Калута*
Внутренний дизайн *Глена Эдельштейна*

Дизайн обложки *Юлии Межовой*

© 2007 by Catherynne M. Valente
© Наталия Осояну, перевод, 2015
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2016
© 2007 by Michael Wm. Kaluta, interior illustrations
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Сказки
сироты*

Том II

ГОРОДА МОНЕТ И
ПРЯНОСТЕЙ

Кэтрин М. Валенте

Посвящается повзрослевшей Саре,
которой
и целого мира мало

*Штормовая
книга*

В САДУ

Дорожки Сада были влажными и красными от упавших, потрескавшихся яблок. Взлохмаченные ветра колыхали траву, в которой не осталось зелени; беспокойные деревья одно за другим примеряли алое одеяние, пока все рощи не превратились в букеты кровавых цветов на длинных чёрных стеблях.

Это время года девочка любила больше всего: отыскать еду проще, чем когда-либо, а в воздухе днём и ночью — шелест и шорох крыльев: вороны кружат, собираясь на юг; гуси улетают ещё дальше, в тёплое подбрюшье мира. Осенью легко насобирать в подол гранатов и скворцовых яиц, но холодает, и листья покраснели неспроста — они согревают, как огонь в приземистой железной жаровне.

С полыхающих ветвей коричневого дерева девочка наблюдала за происходящим на женской половине Дворца. Душистая кора окрасила её ладони в цвет хны, и, когда она слизнула с пальцев золотой желток, оставшийся после съеденного утром яйца, почувствовала пряный вкус. Притаившись в густом переплетении

ветвей, девочка смотрела в арочное окно — на женщину, которая сидела так прямо, словно у неё была не спина, а рукоять секиры, и так неподвижно, словно её не касались ничьи руки и никто не щебетал, не шептался у её симпатичных ушек. Дюжина горничных, туго натянув длинные чёрные волосы женщины, с бесконечным терпением вплетали в чернильные пряди мельчайшие жемчужины, одну за другой, как если бы их госпожа была ожерельем в ювелирной мастерской.

Динарзад готовили к свадьбе.

Ежегодно одну или двух дочерей Султана непременно выдавали замуж. Обычно девочка уделяла им гораздо меньше внимания, чем семье голубей, каждую весну возвращавшихся к одной и той же берёзе. Но эта была ей небезразлична. Садовник и смотритель ни о чём другом не говорили: им пришлось постараться, чтобы цветы, пора цветения которых давно миновала, предстали во всей красе. Деревья привыкли держать навесы, отборные фрукты лежали грудами, как разноцветные сугробы, и тележка за тележкой отсылались на кухню, чтобы вернуться во внутренний двор в виде пирогов, пирожных, джемов и тортов. И всё потому, что Динарзад пожелала сыграть свадьбу в Саду.

Казалось неподобающим сочетаться браком под открытым небом, но она настаивала, даже плакала. Наконец решили, что крыша из деревьев по сути мало чем отличается от крыши из древесины, а ветви каштанов в изысканной рощице у большого внутреннего двора можно переплести и связать, сотворив подобие маленькой узкой часовни. Взявшись за лестницы для подрезания деревьев и придания им святости, садовники ворчали: мол, живущей в Саду девочке следует соблюдать осторожность, потому что каждый камень во Дворце желает угодить избалованной амире.

Динарзад, окружённая синими подушками, наблюдала в зеркале, как её волосы унизывали жемчугами для пира в честь помолвки. Её лицо было суровым, будто чистый холст... И девочка не могла оторвать от неё глаз. Неподвижная точно сова, она следила за женщинами, в чьих руках

мелькали бесчисленные белые драгоценные шарики; обозревала нарядную Динарзад, как зеркало в полный рост, пока хранительницы жемчуга не увели подопечную вниз по каменной лестнице, — волосы струились за ней словно обрывок мерцающего звёздного неба. Сама того не желая, девочка коснулась собственных волос, не менее чёрных, чем у принцессы, но спутанных и унизанных шелухой лещины.

Дерево, на котором она сидела, вдруг задрожало, и ей пришлось прервать размышления о застывшем лице Динарзад. Она бросила взгляд на усыпанную яблоками тропинку и увидела мальчика, который смотрел на неё снизу вверх. Он ухмылялся, но в уголках его рта таилась усталость, как на дольке апельсина прячется гниль. Девочка легко спустилась по стволу и одарила его улыбкой — мимолётной будто тайна. Мальчик был одет для пиршества и явно чувствовал себя неуютно в наряде из жёсткой золотой парчи и зелёного шелка. Особое неудобство ему доставлял тонкий порфиновый браслет на запястье, сообщавший каждому знатоку символов, что перед ним наследник Султаната.

Девочка ничего не знала, и оттенок пурпура показался ей просто милым.

— Как ты сумел сбежать? — тихонько спросила она. — Любому человеку захочется пожать тебе руку и сказать, что из тебя получится славный муж.

Мальчик фыркнул, как бычок-подлеток.

— На свадьбе всем и каждому хочется стиснуть в объятиях девушку на помосте. И на предсвадебном ужине всегда происходит одно и то же.

— Кто её жених?

Девочке это было неинтересно. Она себе так и сказала: «Не знаю и знать не хочу».

— Какая разница? — Мальчик пнул гнилое яблоко, попавшее под ноги. — Какой-нибудь князь, или солдат, или князь, ранее бывший солдатом, или солдат, ставший князем. Я даже их имён не помню. Они все пришли с сундуками опалов и клетками с ручными птицами, обвязанными лентами её любимого цвета, а ещё механическими золотыми

петухами, которые кукарекают, если покрутить хвост... Вообще, эти штуки мне понравились... Кто-то выбрал из них одного: я уверен, что не Динарзад. Знаю, что она станет не первой женой: у жениха их уже две, но детей нет. Наверное, он приволок полные бочки чего-то вкусного, но мне неизвестно, чего именно: петухов точно привёз не он.

Мальчик нахмурился из-за налетевшего ветра и почесал за воротом.

— Наряжают точно куклу лишь ради того, чтобы я смотрел, как сестра ест, — проворчал он. — И у этой штуки ни одного кармана... Я не смог ничего тебе принести.

— Ты знаешь, что это необязательно, — возразила девочка. — Мне всего достаточно. И так было всегда, даже если моё «достаточно» и твоё разные, как слон и минарет.

Её обрамлённые чернотой глаза метнулись вниз и обратно к мальчику. Деликатно взяв за руку, она увела его прочь от распахнутых тропинок в глубины Сада, мимо мраморных скамеек и фонтанов, фруктовых рощ, где собрали урожай, и виноградных кустов, гроздьях которых уже превращались в вино, — к нагромождению камней, поросших таким толстым слоем мха, что они казались телами давно умерших тигров или леопардов, чья шерсть росла даже после того, как они испустили дух. В их долгих тенях детям был не страшен ветер, хотя девочка дышала на ладони, чтобы согреть бескровные пальцы, а одежда мальчика подмокла из-за тумана и недавнего дождя. Однако он будто ничего не замечал: ковырял богатую вышивку жилета и с любопытством поглядывал на девочку.

— Знаешь, — произнёс он робко, — кажется, я мог бы принести тебе платье.

Девочка рассмеялась.

— У меня десятки сестёр, и у них сотни платьев... Никто не заметит, что одно пропало, я уверен! Оно будет теплым и мягче этой старой тряпки.

Девочка посмотрела на ветхую ткань своей юбки и покачала головой.

— Что я буду делать с таким платьем, как у них? Ты бы ещё украсил мои волосы жемчужинами. Нет! Когда холодно, у меня есть одеяла из листьев и мои птицы. Я не одна из них. Было бы глупо наряжать верблюдицу в кружева, колокольчики и драгоценные камни. Такое можно устроить, чтобы посмеяться над бедным животным.

Они оба ненадолго замолчали. Мальчику стало стыдно, но он видел, как от холода плечи девочки покрылись гусиной кожей, а заледеневшие пальцы ног посинели. В небе сгущались вечерние краски — серые и желтые, — не похожие на дикое разноцветье Сада. Тем временем свет медленно покидал облака...

Мальчик достаточно знал о гордых юных девушках, чтобы не спорить из-за платья.

— А у тебя есть... что-нибудь ещё? — наконец выпалил он, теребя свой браслет.

— О да. — Девочка рассмеялась. — Всегда есть что-нибудь ещё.

Она положила голову на упругий мох и закрыла глаза; пятна на её веках были круглыми и тёмными, как обычно.

Девочка начала говорить — тихо, почти шепотом, будто её голос был вздохом, вырвавшимся из хрустальной флейты:

— Я расскажу тебе историю, записанную на моём правом веке.

Далеко-далеко был пустынный бескрайний берег — такой серый, что о нём бы мечтал сам серый цвет; и уединённое озеро, вода которого так черна, что белый цвет устранился бы её. Посреди озера, очень далеко от берега, находился скрытый туманами и поросший лесом остров. На мелководье стоял ветхий причал. Паром — плот из ясеня и длинный шест — мотался туда-обратно по тихой воде, управляемый высоким человеком в балахоне из грубой коричневой ткани. Точнее говоря, его можно было бы назвать высоким, если бы не горб, который балахону полагалось скрывать. К этому парому и причалу, озеру и острову, на бескрай-